

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-3-369-378

**ГРАММАТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ
РУССКИХ ЧАСТИЦ В РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ****GRAMMATICAL-COMMUNICATIVE FUNCTIONS
OF THE RUSSIAN PARTICLES IN THE SPEECH SPHERE****И.А. Нагорный
I. A. Nagornyy**Цзилиньский университет,
Китайская Народная Республика, 4026, Чанчунь, ул. Цяньцзинь, 2699Jilin University,
2699 Tianjin Str., 4026, Changchun, China

E-mail: igna163@163.com

Аннотация

Грамматико-коммуникативные функции, генерируемые русскими частицами в речевой сфере, обладают определённым функционалом, требующим детального рассмотрения в научной плоскости. Функциональный дифференциал русских частиц невероятно широк, а значит каждая из этих функций как в отдельности, так и в совокупности представляют для исследователей особый интерес. Анализируются эмоционально-типологическая, репрезентативно-экспликационная, экспрессивная, локализационная функции частиц, а также описываются параметры функционирования рассматриваемых языковых средств при образовании нечленимых предложений, выполнении роли самостоятельного члена предложения при замене знаменательного слова, усилении степени речевого воздействия на адресата и рематизации сообщаемого. Исследуются функциональные характеристики русских частиц как инструментария речевого воздействия говорящего на адресата в коммуникативном процессе.

Abstract

The study of communicative properties of russian particles shows that the functional characteristics of these grammatical official language means are very important in the pragmatic aspect, which are most clearly manifested in the performance of a whole complex of grammatical and communicative functions by particles. These functions performed by particles in the speech sphere, have a certain functionality that requires careful study in the scientific plane. The functional potential of russian particles is incredibly wide, which means that each of these functions, both individually and collectively, is of particular interest to researchers. The article analyzes the emotional-typological representative-explication, expressive, localisation and functions of particles, and also describes the parameters of the functioning of these linguistic resources in the formation of declining offers, performing as independent member of the sentence with the replacement of significant words, the increase in the degree of speech influence on the addressee and updating the reported. The functional characteristics of russian particles as a tool of the speaker's speech influence on the addressee in the communicative process are investigated. The role of these linguistic means in the development of pragmatically valuable situational meanings in speech dialogue is established.

Ключевые слова: русские частицы, грамматические функции, коммуникативные функции, речевая сфера, коммуникативный процесс, речевое воздействие.

Keywords: russian particles, grammatical functions, communicative functions, speech sphere, communicative process, speech influence.

Введение

Современные лингвистические направления, изучающие проблему человеческого фактора в языке, аргументированно используют интегральный подход, при котором анализ языковых фактов осуществляется с разных сторон, однако в центре внимания всегда оказывается человек, его «точка зрения», его взгляд на действительность [Lakoff, 1972; Бенвенист, 1974; Lakoff, 1975; Серебренников, 1988; Шмелева, 1995; Золотова, 1998; Артюнова, 1999]. Применительно к русским частицам как ярким репрезентаторам авторского отношения к сообщаемому описанию антропоцентрической составляющей данных служебных по своей грамматической сути элементов языковой системы базируется на интеграции различных аспектов – функционального, коммуникативно-прагматического, грамматического, логико-семиотического, что в перспективе способствует установлению как универсальных, так и оригинальных характеристик частиц, проявляющихся в процессе речевого воздействия на собеседника при репрезентации оценочной позиции говорящего. Русские частицы, будучи ранжированы как обслуживающие грамматические элементы русского языка, имеют при этом широчайшие потенции для актуализации в предложении-высказывании модальных (модальных, оценочных, эмоциональных, экспрессивных) реакций субъекта в речевом процессе, значительно увеличивают коммуникативно-прагматические возможности русского языка и его коммуникативной сферы [Нагорный, 2016]. Частицы являются коммуникативно значимыми и прагматически ценными элементами языково-речевой информационной системы индивида. Выполнение комплекса коммуникативно-прагматических, семантико-логических, грамматико-коммуникативных, пресуппозитивных [Cooper, 1974; Stalnaker, 1974; Katz, 1979] функций позволяет русским частицам выступать в качестве прагматически обусловленных инструментариев речевого процесса при квалификативной характеристике сообщаемого, репрезентации оценочного мнения субъекта, сфокусированного как на актуализации личностного отношения к событийной действительности, так и желании донести собственную прагматически сориентированную точку зрения до адресата.

Целью настоящей статьи является функционально-системный анализ русских частиц, что реализуется при решении конкретных задач исследования: описании грамматико-коммуникативных функций частиц; установлении степени речевого воздействия на адресата, осуществляемого говорящим при помощи разнообразного языкового инструментария, в частности частиц, в речевой коммуникации; выявлении коммуникативно-актуализационных и собственно прагматических параметров функционирования частиц в языково-речевой сфере.

Для достижения обозначенной цели был применен комплекс методов и приемов: функциональный и описательный методы, метод сплошной выборки, элементы компонентного и контекстуального анализа для описания функциональных параметров русских частиц.

Разработка проблемы в науке

В лингвистике существует достаточное количество работ, посвящённых изучению русских частиц. Интерес к изучению частиц как элементов грамматической системы языка ярко проявился в трудах Н.Ю. Шведовой [1960], А.Н. Васильевой [1964], В.В. Виноградова [1972], Т.М. Николаевой [1985]. Семантический аспект функционирования частиц отражен в работах Е.А. Стародумовой [1997]. В поле интересов лингвистов оказывались частицы и модальные слова как актуализаторы модальных аспектов предложения [Немец, 1989]. Отмечалось, что русские частицы – типичные конкретизаторы семантики слов [Грамматика..., 1970; Русская..., 1980]. Также указывалось и на то, что в предложении частицы отражают точку зрения говорящего и фокусируют ее на адресате [Nagornyy, Pugach,

2014]. Сказанное, по нашему мнению, определяет обращение к заявленной в статье проблеме как актуальное и позволяющее решить ряд поставленных научных вопросов.

Основная часть

Исследование коммуникативно-актуализационных параметров русских частиц доказывает, что показательными в прагматическом плане являются именно функциональные свойства данных служебных по своей грамматической природе языковых элементов, что отражается при выполнении частицами целого ряда грамматико-коммуникативных функций, указывающих и на важнейшую роль указанных языковых средств в коммуникативном процессе, и на значимость частиц как инструментария разворачивания конкретных ситуативных смыслов в речевом диалоге, и на прагматическую ценность частиц для говорящего и адресата как непосредственных участников речевого общения.

Грамматико-коммуникативные функции рассматриваемых элементов языка, являясь по своей природе грамматическими, формальными, тем не менее, находят свою непосредственную реализацию на коммуникативном уровне языковой системы. Именно коммуникативно-прагматический потенциал данных функций представляет значительный интерес для решения проблемы статусных характеристик частиц в русском языке.

Рассмотрим грамматико-коммуникативные функции русских частиц более детально. В первую очередь необходимо выделить грамматические функции русских частиц, активно «работающие» в коммуникативной сфере.

Эмоционально-типологическая функция частиц проявляется в том, что русские частицы способны оказывать влияние на функционально-типологические характеристики предложения вводом его в разряд восклицательных. Последнее позволяет квалифицировать рассматриваемые элементы как инструмент формирования предложения определенного формального типа – эмоционально окрашенные.

Данная функция в первую очередь оказывается типичной для частиц группы эмоциональных (*что за, как, ишь, даже, куда уж, ну и, где уж* и под.). Предложениям с данными языковыми элементами смысловой слой эмотивности присущ по определению, так как он актуализируется на формально-конструктивном уровне частицей. Функционирующие в предложении частицы, являясь репрезентативными знаками эмоциональных состояний субъекта, не только переводят предложение в разряд эмоционально насыщенных, но и являются реализаторами целого комплекса оценочных смыслов [Вольф, 1985; Маркелова, 1993] в речевой ситуации общения: восторга (– *Как мило! Я знаю это!* (Д. Донцова)), раздражения (– *Что за глупость! Тебе что, нечем заняться?* (Н. Александрова)), иронии/сарказма (– *Да куда уж! Будто бы мне непонятно?* (журн. текст)) и подобных.

Эмоционально-типологическая функция является характерной для рассматриваемой группы частиц. Она весьма разнообразно и продуктивно реализуется в сфере речевого общения, где частицы активно реализуют свою эмотивную семантику в совокупности с интонационным фактором, формируя восклицательные предложения, насыщенные эмоциями и чувствами субъекта.

Продуктивной для русских частиц является **функция образования нечленимого предложения**. К основным характеристикам подобных предложений относятся: компрессия, свернутость выражаемой авторской мысли; невозможность выделения членов в составе предложения; отсутствие структурной схемы; контекстуально-ситуативная обусловленность; интонационная завершенность. В семантическом плане нечленимые предложения, образуемые русскими частицами, актуализируют разнообразные эмоциональные, волевые, познавательные реакции говорящего на что-либо, при этом не описывают ни сами реакции, ни соответствующую речевую ситуацию. Возможность функционировать в качестве нечленимого предложения характерна для большинства русских смысловых частиц, а предложение, образуемое ими, в речевом процессе функционирует как компрессированное и насыщенное авторскими субъективными смыслами речевое образование, имеющее

потенцию к смысловому развертыванию на ментальном, коммуникативном и прагматическом уровнях, характеризующееся интонационной законченностью и яркой образностью.

Прагматически обусловленная функциональная насыщенность образуемых русскими частицами свернутых предложений функционально репрезентируется следующим образом:

– как авторская ответная оценочная реакция на актуализированный ранее вопрос относительно чего-то, что мотивирует коммуниканта к ответу, облеченному в форму коннотативно окрашенного высказывания (– *А он самостоятельно к этому пришел?* – **Вряд ли** (журн. текст); – *Придешь сегодня?* – **Куда уж!** (М. Варденга); – *И это правильно?* – **Неужто?!** (К. Симонов));

– как эмоциональная реакция – рефлекс личностного мнения субъекта при выражении последним каких-либо эмоций/чувств (– *А вот и не сможете!* – **Где уж...** (Е. Павлова); – *Ишь ты!* **Разве? Поразительно!** (С. Снегов));

– как модально-кваликативная реакция субъекта, в том числе: субъективно-авторское предположение (– *Вот и не получится.* – **Уж будто!** (В. Вересаев); *Да вроде как они должны вовремя приехать, ведь договаривались...* (Н. Александрова)), сомнение (– *Он еще способен на это?* – **Вряд ли** (Д. Рубина); – *Думаешь, так будет?* – **Ну едва ли** (В. Шукшин)), неуверенность (– *Что, все приехали уже?* – **Да вроде как** (Ю. Семенов); – *Да он будто и не в курсе, что все так происходит* (А. Толстой)), возможность/вероятность (*И это небось случится?* (К. Булычев)), эвиденциальность (– *А ему **дескать** и не снилось?..* (газет. текст)) и под.;

– как реакция согласия или несогласия с мнением собеседника (– *К своим направляешься?* – **Вроде как** (В. Шукшин); – *А тебя это совсем не касается?* – **Навряд ли** (В. Шишков));

– как интеллектуально-познавательная реакция (– *Я ведь все-таки решил поехать на заимку.* – **Ну и?..** (В. Шишков); – *Да я ведь уже сообщал об этом.* – **А все-таки?..** (Д. Донцова)).

Рассматриваемая функция русских частиц проявляет себя как рефлекс типичности эмоциональных реакций субъекта, а нечленимое предложение, образуемое частицами, является важным коммуникативным инструментом речевого диалога, сжато и образно выражая субъективные реакции говорящего и фокусируя данные реакции на адресате. При этом способность частиц образовывать нечленимые предложения отражает их важную структурообразующую роль в языке.

Менее характерной, но, тем не менее, важной грамматической функцией русских частиц, находящей яркое отражение на коммуникативном уровне языка, является **функционализация частицы в роли самостоятельного члена предложения**. Заметим, что указанная структурная функция реализуется русской частицей с ограничениями, проявляется лишь при замене частицей в предложении знаменательного слова. При этом замена частицей знаменательного слова сохраняет свою мотивированность.

Выполнение данной функции проявляет яркие коммуникативно-прагматические свойства русских частиц и лежит в основе того, что предложение с частицей приобретает не только эмоциональную, но и в ряде случаев экспрессивную насыщенность, становится коннотативно окрашенным, приобретая тем самым дополнительную смысловую глубину. Заменяя в предложении самостоятельное слово, частица на коммуникативном уровне актуализирует некий модально насыщенный образ, включающий на уровне своей внутренней (глубинной) структуры и эмотивно окрашенное, и в смысловом плане способное аналогизироваться понятие.

Детализируем сказанное.

А. Выполнение функции выражения предиката позволяет русским частицам, в частности *едва ли*, *вряд ли*, при замене знаменательного слова выступать в качестве сказуемого, коммуникативно экспрессивизируя сообщаемое и насыщая его яркими персуазивными характеристиками. Указанное свойство частицы реализуют в модально-ответных

предложениях, построенных по схеме «это + частица»: – *Мне кажется, в этом году лето рано должно наступить.* – *Ну это – **вряд ли*** (И. Сергеев); – *Сделаешь заказ вовремя?* – *Это – **едва ли!*** *Не смогу я так быстро* (Ю. Семенов).

*Б. При выполнении объектной функции частицы функционируют в роли дополнения, экспрессивизируя сообщаемое и заменяя слова, номинирующие звуковое действие: Это его «**что за**» так раздражает порой (Д. Донцова); Мы это «**вряд ли**» только постоянно и слышим (газет. текст). Частица в данном случае не только выражает квалификативную реакцию субъекта, но и репрезентирует ее звуковое сопровождение.*

*В. Субъектная функция русских частиц базируется на способности языкового элемента служебного уровня субстантивироваться и выполнять аналогизирующую коммуникативную роль: **Вряд ли** – это частица; **Неужели и разве** – похожие по семантике, но не идентичные функционально элементы русского языка. Металингвистическая составляющая данной функции русских частиц представляется несомненной.*

Рассмотрение проблемы прагматической обусловленности коммуникативных знаков, при помощи которых говорящим оказывается речевое воздействие на адресата, проявляет комплекс выполняемых русскими частицами **коммуникативных функций**. В этом плане фиксируется обязательная зависимость прагматического аспекта функционирования частиц от важнейших компонентарных составляющих коммуникативного процесса: ситуации речевого общения, фактора говорящего и фактора адресата, мотива (цели) актуализации речевого диалога, событийной составляющей процесса общения, пресуппозиций, которыми владеют коммуниканты.

В акте коммуникации русские частицы функционируют как яркий инструментальный выражения интенций субъекта, поскольку они способны сжато и емко актуализировать квалификативную реакцию субъекта относительно сообщаемого, донести данную личностную точку зрения до адресата и таким образом прагматически воздействовать на него. Выделенные далее коммуникативно-прагматические характеристики русских частиц проявляются при выполнении рассматриваемыми языковыми элементами следующих функций.

Репрезентативно-эпликативная функция отражает разноаспектные параметры репрезентации частицами точки зрения говорящего и является характерной для рассматриваемых языковых средств. Выполнение данной функции позволяет русским частицам не только продуктивно рефлексировать модальные, эмоциональные, оценочные или интеллектуальные квалификативные ментальные операции субъекта, его разнообразные коммуникативные реакции в преломлении на реалии окружающей действительности, но и активно проецировать указанные реакции, мнения и оценки на собеседника. Последнее позволяет частицам выступать в коммуникативном процессе в роли языковых средств, усиливающих речевое воздействие на адресата именно через репрезентацию авторской точки зрения: *Он **чуть ли не** расплывался в улыбке от удовольствия* (журн. текст); *Человек **даже** не замечал, что на него явно обращают внимание* (газет. текст); *Смотрели её разные люди, говорили, что такой работы не было, должно быть, **даже** в итальянской земле* (К. Паустовский); *Он видел ее **как раз** в то время, когда приезжал в этот городок по редакционным делам* (газет. текст).

Русские частицы, проявляя фактор говорящего, проецируют коммуникативные реакции на адресата в соотношении с мироощущением и языковой картиной мира самого говорящего. Модусные квалификации субъекта напрямую или косвенно участвуют в выражении особенностей его мировосприятия, отношения к окружающему миру. Частицы же как коммуникативные проводники квалификативных реакций говорящего отражают на речевом уровне прагматически обусловленное мироощущение субъекта через его конкретный речевой инструментальный (как рефлектор индивидуальной, концептуальной и национальной языковых картин мира), в котором рассматриваемым языковым элементом отводится значимое место: – *Ты **поди** и не обедал сегодня?* (В. Шукшин); *Да вы **никак** ре-*

шили остаться? (К. Симонов); – *Да у тебя самого **небось** душа в пятки уходит* (журн. текст); *А **ведь** тот **едва ли** даже сумел понять, в чем, собственно, дело* (Ю. Семенов).

Будучи репрезентантами-экспликаторами точки зрения субъекта, русские частицы соотносятся как с фактором говорящего (личностью субъекта), так и с фактором адресата, проявляющим ипостась собеседника как активного и значимого для говорящего участника процесса коммуникации, на которого сориентировано модально-квалификативное, оценочно-квалификативное или эмоционально-квалификативное высказывание с частицей: – *Да **вряд ли** это когда-то это случится* (Ю. Семенов); *По этому ничтожному поводу **вроде** не стоило волноваться* (журн. текст); ***Что за** день сегодня!* (А. Островский).

Кроме того, частицы, как и многие языковые знаки, являются рефлексорами национальной-культурного аспекта, связанного с непосредственной языковой средой человека, его национальным менталитетом, спецификой образного мышления. Поэтому при выполнении репрезентативно-экспликационной функции русские частицы проявляют себя в качестве разновекторных коммуникативных знаков: с одной стороны, это репрезентанты фактора говорящего, знаки квалификативного мнения субъекта, показатели индивидуальной картины мира социума; с другой стороны, частицы – экспликаторы фактора адресата, знаки, являющиеся речевым инструментом прагматически сориентированного речевого воздействия на собеседника.

Функция речевого воздействия, неразрывно связанная с репрезентативно-экспликационной функцией частиц, лежит в основе не только донесения говорящим до собеседника при помощи частицы собственного взгляда на событие, но и желания озвучить адресату собственное личностное квалификативное мнение как модальную или оценочную характеристику сообщаемого, его эмоциональную или интеллектуальную коммуникативную реакцию, экспрессивно окрашенный взгляд на событие: ***Неужели** вы не понимаете?* (Б. Пастернак); – ***Как хороши!** – приговаривает торговец, приманивая покупателя* (журн. текст); *Да **ничего** мы не требуем в подобных ситуациях от своих **якобы** друзей* (газет. текст); – ***Неужто** в самом деле ты подружился с ней?* (Д. Донцова).

При этом автор сообщения для успешности коммуникативного акта, несомненно, учитывает специфику фактора адресата, того, к кому обращена его коммуникативная деятельность. При выполнении рассматриваемой функции русские частицы характеризуются как продуктивный инструмент речевого воздействия, который говорящий использует для того, чтобы его мнение «услышали», чтобы собеседник правильно распознал позицию говорящего, понял, что высказанное мнение говорящего – это его коммуникативная позиция по поводу квалифицируемого события: – ***Разве** я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота* (М. Булгаков); – ***Едва ли** ты много нового узнаешь. Не думаю* (А. Иванов).

Практически все смысловые частицы в русском языке являются ситуативно/контекстуально адресованными при реализации их на уровне речевой коммуникации, а в предложениях, где присутствуют указанные языковые средства, фактор адресата ярко проявляет себя. Адресат здесь – объект, на который направлено вербальное действие говорящего, частица же – одно из продуктивных средств такого речевого воздействия: ***Как раз** этого мне и не хватало, дорогой мой!* (В. Шукшин); ***Только** ты можешь понять, как мне тяжело* (С. Снегов); *Сюда-то **уж** не заявится, это точно* (Ф. Панферов); *Даже волк, и тот бывает добрее* (С. Лукьяненко); *Эк тебя **развезло!*** (В. Быков); *Ишь пристроился! Ну-ка брысь отсюда* (А. Иванов); *О, это **никак** сосед* (Д. Донцова); *Да **ведь** и слова такие **едва ли** можно подобрать* (газет. текст); ***Неужто** наши! А **ведь** рань завтра никого не ждали* (Е. Гуревич); *И это **чуть ли** не самое важное* (журн. текст).

Таким образом, русские частицы, будучи знаками репрезентации точки зрения субъекта, в то же время по определению выступают показателями фактора адресата. Это прагматически значимый языковой инструмент донесения личностного мнения говорящего до собеседника, который необходимо квалифицировать как коммуникативное средство усиленного речевого воздействия. Частица в коммуникативно-прагматическом аспекте

проявляет факт «речевого соприкосновения» говорящего с адресатом через квалификацию говорящим фрагмента окружающего мира, собственное видение которого он стремится передать адресату, желает донести до собеседника свое личное мнение как модальную, эмоциональную, оценочную или познавательную квалификативную реакцию, реализующую в коммуникативном процессе.

Эффективным приемом выражения и донесения до собеседника собственного субъективно окрашенного мнения является создаваемая русскими частицами в предложении и сопутствующая основной информации добавочная экспрессивизация сообщаемого: – *Эта комната, окнами на запад и на север, занимала **чуть ли не** половину всего дома* (И. Бунин); – *И мне хотелось бы уточнить: а куда вы направитесь сегодня вечером? **Авось** и к нам зайдете?* (журн. текст); – ***Небось** ходят себе, бродят, и до них нет никому дела* (Н. Островский).

Выполнение частицами *экспрессивной функции* в этом аспекте проявляет градуирующую степень интенсификации говорящим выражаемых квалификативных характеристик сообщаемого.

К способам усиления реакций говорящего относится, например, употребление в предложении сразу нескольких частиц в предложении: ***Именно** это мне **только** и нужно сейчас* (Д. Рубина); *Да **ведь** **вряд ли** можно что-то сделать* (газет. текст); ***Что** за бедлам **все-таки** у вас?! **Что** за беспорядок?* (Д. Донцова); *И **лишь только** успел он оглянуться, как получил удар* (журн. текст).

Экспрессивизация является одним из специализированных способов презентации личного мнения говорящего, что в полной мере проявляется при функционировании частиц, в этом случае, несомненно, усиливающих степень интенсивности выражения квалификативных реакций субъекта и градуирующих таким образом силу речевого воздействия на адресата.

С рассмотренными коммуникативно-прагматическими функциями оказывается тесно связанной *локализационная функция*, также характерная для русских частиц в коммуникативной сфере. Специфика реализации локализационной функции заключается в том, что автор, включая в состав своего высказывания частицу как инструмент реакции на воспринимаемую информацию, фокусирует при помощи данной частицы собственную коммуникативное намерение в координатах «я/здесь/сейчас». Таким образом происходит локализация в указанных координатах речевого высказывания как субъективно-авторской «точки зрения» на событие и согласование этого мнения с ситуацией общения в целом: *И чем глубже оно (солнце) уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они **как будто** придвинулись* (В. Шукшин); – ***Разве** порядочно так поступать? И **даже** думать!* (журн. текст). При этом локализация собственно оценочной точки зрения автора высказывания оказывается зафиксированной не только на полюсе личностной (оценочной) квалификации события, но и на факте донесения говорящим этой квалификации события до адресата: – ***Небось** к нам это не относится?* (Е. Гуревич); – ***Что** за позерство! **Что** за насмешка над идеалами* (газет. текст); *Он **как будто** чувствовал какую-то вину перед этой совсем незнакомой ему женщиной* (журн. текст); – *И **все-таки** я прошу вас быть осторожнее* (Т. Устинова); – *Я **вроде** бы ничего о нем и не слышал в последнее время* (Д. Донцова); – *И **все-навсего**? Хотя недурно для первого раза* (журн. текст); – ***Неужели** такое действительно возможно?* (И. Ефремов); – *Ты не понимаешь, **что ли**? Это ведь тебя напрямую касается* (И. Ольгин); – *И **где уж** мне тебя понять...* (Ю. Алешковский); – *Да **просто** я совсем и не к вам шел* (Д. Донцова); – *Ведь мы, **чай**, не чужие!* (А. Островский); *Так **вот как**? Ты ведь мне обещал!..* (В. Шукшин); ***Как раз** я-то и не знаю этого* (К. Булычев).

Как продуктивную необходимо охарактеризовать коммуникативно-прагматическую *функцию рематизации*, фиксируемую при актуализации частицами смыслового и коммуникативного центра речевого сообщения. Выполняя данную функцию,

частицы реализуют наиболее важную коммуникативную задачу – рематизируют сообщаемое, способствуя определению коммуникативного фокуса высказывания.

Отмеченная функция частиц позволяет обоснованно отнести рассматриваемые языковые компоненты к продуктивному инструментарию актуального членения русского предложения. Наряду с порядком слов, синтаксическим конструированием, фразовым и логическим ударением, лексическими повторами, особыми разрядами слов (междометиями, модальными словами, частично – звукоподражаниями) русские частицы закономерно могут быть признаны ведущим коммуникативным инструментом, используемым человеком в процессе речевого общения. При помощи русских частиц говорящий может фактически в любое речевое образование внедрить имплицитные оценочные смыслы, выдвинуть частицу в качестве ведущего в коммуникационном аспекте квалификационного компонента.

В речевом высказывании, в котором присутствует частица, непременно фиксируется важная актуализационно-коммуникативная операция – интонационное, логическое и семантическое выделение либо непосредственно самой частицы, либо частицы и взаимодействующих с ней компонентов. По этому признаку рематизационная функция видится как характерная для русских частиц, поскольку что фактор рематизации постоянно сопровождает употребление частиц в высказывании: *Неужели ничего нельзя сделать?* (В. Вересаев); *Я же как лучше хотел...* (В. Шукшин); *И что за прелесть этот уголок Москвы* (газет. текст); *Только лишь об одном прошу: не делай так* (С. Снегов); *Это едва ли не самое глупое из того, что я ожидала услышать* (Д. Донцова); *Именно это и требовалось доказать* (газет. текст); *Вот как раз признания вы и ожидали от все это время* (журн. текст); *Мы едва ли сможем найти общий язык. Разные мы...* (газет. текст). Отметим еще раз, что поскольку русские присловные частицы выполняют функцию генерирования новой информации оценочного характера, в речевом сообщении они всегда выполняют рематизирующую роль. Поэтому если в составе русского предложения фиксируется смысловая частица, то, как правило, она активно участвует в коммуникативном выделении сообщаемого.

В целом, рассмотрение коммуникативно-прагматических функций русских частиц доказывает, что описываемые элементы имеют богатый речевой и прагматический потенциал в плане выражения разнообразных модусно-кваликативных реакций говорящего и донесения генерируемых данными реакциями личностных смыслов до адресата с целью речевого воздействия на последнего. В этом аспекте русские частицы необходимо определить как продуктивный коммуникативно-языковой инструмент, рефлектирующий в сфере коммуникации результат оценки автором высказывания фрагмента действительности, субъективную квалификацию которого он желает донести до коммуникативного партнера в виде разнообразных модусных реакций на событие или мнение собеседника.

Выводы

Подведем итог сказанному. Функционально-системное описание отмеченных грамматико-коммуникативных функций русских частиц позволяет, на наш взгляд, констатировать, что указанным языковым элементам, несомненно, должно быть отведено особое место в процессе субъективного отражения действительности человеком в языковой и речевой сферах как выражение разнообразных коммуникативных реакций субъекта и речевой ориентации данных реакций на собеседника. Поэтому, как нам думается, закономерным и практически необходимым при описании языково-речевых функций анализируемых элементов русского языка оказывается совмещение формально-грамматического и коммуникативно-прагматического подходов. Последнее обусловлено и тем, что коммуникативная сфера – это сфера локализации антропоцентрической составляющей любого языка не только на понятийно-семиотическом уровне, но и на уровне репрезентативном, где наиболее ярко проявляется субъективированная сущность конкретных языковых средств актуа-

лизации прагматически обусловленной коммуникативной позиции говорящего. Последнее позволяет охарактеризовать русские частицы как коммуникативно и прагматически сориентированные языковые средства, выполняющие роль репрезентантов и индивидуальной, и концептуальной языковой картины мира человека, показателей универсальности целого комплекса лингвокультурных факторов, а также знаков специфики лингвистического мировосприятия окружающего мира субъектом. Последнее является одной из перспективных областей развития заявленных в статье проблем.

Список литературы References

1. Арутюнова Н.Д. 1999. Язык и мир человека. Москва, Языки русской культуры, 896.
Arutyunova N.D. 1999. YAzyk i mir cheloveka [Language and people's world]. Moscow, YAzyki russkoj kul'tury, 896.
2. Бенвенист Э. 1974. Общая лингвистика. Москва, Прогресс, 446.
Benvenist E. 1974. Obshchaya lingvistika [The general linguistics]. Moscow, Progress, 446.
3. Васильева А.Н. 1964. Частицы разговорной речи. Москва, Изд-во Московского государственного университета: 186.
Vasil'eva A.N. 1964. SChasticy razgovornoj rechi [Particles of colloquial speech]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: 186.
4. Виноградов В.В. 1972. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва, Высшая школа: 614.
Vinogradov V.V. 1972. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow, Vysshaya shkola: 614.
5. Вольф Е.М. 1985. Функциональная семантика оценки. Москва, Наука, 228.
Volf E.M. 1985. Funkcional'naya semantika ocenki [Functional semantics of evaluation]. M., Nauka, 228.
6. Грамматика современного русского литературного языка. 1970. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва, Наука: 767.
Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. 1970. Ed.: N.Yu. Shvedova. M., Nauka: 767.
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. 1998. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, Изд-во Московского государственного университета: 528.
Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.YU. 1998. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. M., Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: 528.
8. Маркелова Т.В. 1993. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Москва, Издательство Московского государственного областного университета, 125.
Markelova T.V. 1993. Semantika ocenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke [Evaluation semantics and means of its expression in Russian]. M., Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, 125.
9. Нагорный И.А. 2016. Русские частицы и речевая ситуация оценочной квалификации события. Научный результат. Серия вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2, 1 (7): 15-22.
Nagornij I.A. 2016. Russkie chasticy i rechevaya situaciya ocenочноj kvalifikacii sobytiya [Russian particles and the speech situation of the assessment qualification of the event]. Nauchnyj rezul'tat. Seriya voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki [Research Result. Questions of theoretical and applied linguistics], 2, 1 (7): 15-22.
10. Немец Г.П. 1989. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета, 142.
Nemec G.P. 1989. Semantiko-sintaksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke [Semantic-syntactic means of expressing modality in Russian]. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 142.
11. Николаева Т.М. 1985. Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. Москва, Наука, 169.
Nikolaeva T.M. 1985. Funkcii chastic v vyskazyvanii: Na materiale slavyanskih yazykov [Functions of particles in the statement. On the material of the Slavic languages]. Moscow, Nauka, 169.
12. Русская грамматика. 1980. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., Наука, Т. 1, 784.

- Russkaya grammatika [Russian grammar]. 1980. Ed.: N.Yu. Shvedova M., Nauka, Vol. 1, 784.
13. Стародумова Е.А. 1997. Русские частицы. Владивосток, Изд-во Дальневосточного государственного университета, 68.
- Starodumova E.A. 1997. Russkie chasticy [Russian particles]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta, 68.
14. Шведова Н.Ю. 1960. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва, АН СССР, 378.
- SHvedova N.YU. 1960. Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi [Essays on the syntax of the Russian speaking]. Moscow, AN SSSR, 378.
15. Шмелева Т.В. 1995. Субъективные аспекты русского высказывания. Автореф. дисс...докт. филол. наук. Москва, 35 с.
- SHmeleva T.V. 1995. Sub"ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya [Subjective aspects of Russian utterance]. Abstract. diss... Dr. filol. of science. Moscow, 35 p.
16. Серебренников Б.А. 1988. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, Наука, 212.
- Serebrennikov B.A. 1988. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira [The role of the human factor in the language: Language and world view]. Moscow, Nauka, 212.
17. Cooper D. 1974. Presupposition. *Janua linguarum. Series minor.* 203. The Hague-Paris, Mouton, 130.
18. Katz J.J. 1979. A Solution to the Projection Problem for Presupposition. *Syntax and Semantics.* N.Y., 11: 91-154.
19. Lakoff G. 1975. Pragmatics in natural logic. *Formal semantics of natural language.* Los Angeles: 253-286.
20. Lakoff R. 1972. The pragmatics of modality. *CLS.* Chicago, 8: 229-246.
21. Nagorny I., Pugach V. 2014. Assumption in linguistic landscapes: modal particles and problems of communication. *Journal of Language and Literature,* 5 (2): 83–87.
22. Stalnaker R.C. 1974. *Pragmatic Presuppositions.* Semantics and Philosophy. New York, New York University Press: 197-213.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Нагорный И.А. 2019. Грамматико-коммуникативные функции русских частиц в речевой сфере. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки,* 38 (3): 369–378. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-3-369-378

Nagorny I.A. 2019. Grammatical-communicative functions of the Russian particles in the speech sphere. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series,* 38 (3): 369–378. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-3-369-378